УДК 882 – 1.06

СУДЬБА, УГАДАННАЯ ПО СТИХАМ (М.БАШКИРЦЕВА, М.ЦВЕТАЕВА, Е.ДМИТРИЕВА)

Папырина А.А., соискатель

Запорожский государственный университет

Расцветом “женской лирики” стало время, условно названное “серебряным веком”. Это наиболее яркий период, когда в литературной среде вспыхивают новые звучные имена: Е.Кузьмина-Караваева, М.Моравская, М.Цветаева,С.Парнок, А.Ахматова. Не случайно И.Анненский цикл рецензий “О современном лиризме”(1909г.) разделил на две части – “Они” и “Оне”, где дает оценку мужским и женским талантам. Словесное искусство, большей частью бывшее уделом мужчин, осторожно воспринимало дамские литературные опыты. Даже самое “образованное” XVIII столетие не стало вглядываться в творчество своих не таких уж и “неталантливых” современниц – Екатерины II и Е.Дашковой. Вслед за ними женщины отважились проложить свой путь в литературе разнообразием форм и жанров, но в тени по-прежнему оставалась личность автора.

Рассказать о себе сильной, неукротимой, мятущейся и в то же время искренней на лирической волне могла лишь натура необыкновенная. Писательниц XVIIIст. и поэтесс начала XX века разделяет целая эпоха, но как раз посередине этой временной полосы появилась женщина, которая первая стала говорить тоном, не терпящим возражений: “Я родилась для триумфов и сильных ощущений” [1,23]. Мария Башкирцева оставила потомкам страницы, где была “ жизнь женщины, записанная изо дня в день, без всякой рисовки, как будто никто в мире не должен был читать написанного, и в то же время с страстным желанием, чтобы оно было прочитано; потому, что я вполне уверена, что меня найдут симпатичной…”[1, 20]. Всесторонне одаренная, получившая прекрасное образование, Мария Башкирцева стала для последователей открытием, критики называли ее предтечей декадентства, многие, как В.Брюсов, находили в ней себя “со всеми своими мыслями, убеждениями и мечтами”.

Проза М.Башкирцевой притягательна тем, что всякий, кто соприкасается с ней, испытывает контрастные чувства – обожание, либо неприязнь и никакой середины, так ненавидимой самой Марией. За неполные двадцать четыре года жизни, начиная с двенадцатилетнего возраста, она написала историю души героини вне времени и борьбы и показала женщину, сделавшую личную драму предметом творчества.

“Блестящей памяти Марии Башкирцевой” посвятила свой первый сборник стихов Марина Цветаева. Это была антология страсти и отваги. Как и предшественница, Марина Цветаева откровенно любуется своей не-красотой, признавая свою необыкновенность. Но если в раннем творчестве это едва уловимое самолюбование, то настоящий гимн не-красоте М.Цветаева произнесла в заметках “О любви”: “Моя душа чудовищно ревнива: она бы не вынесла меня красавицей. Говорить о внешности в моих случаях – неразумно: дело так явно и настолько – не в ней!

- “Как она Вам нравится внешне? “ - А *хочет* ли она внешне нравиться?

Да я просто права не даю, - на такую оценку!

Я-я: и волосы – я, и мужская рука моя с квадратными пальцами – я, и горбатый нос мой – я. И точнее: ни волосы не я, ни рука, ни нос: я – я : незримое.

Чтите оболочку, осчастливленную дыханием Бога. И идите любить – другие тела” [2, 430]

Мария Башкирцева стала для Цветаевой героем на всю жизнь. Мотив бунтарства, внутренней свободы и внешнего самообладания неизменно присутствовал в поэзии М.Цветаевой. Возможно, стихотворением 1921г. она объясняла свое решительное выступление на литературной сцене

Гордость и робость – родные сестры,
Над колыбелью, дружные, встали
« Лоб запрокинув!» - гордость велела.
« Очи потупив!» - робость шепнула.
Так прохожу я – очи потупив –
Лоб запрокинув - Гордость и Робость [5,175]

М.Цветаева и М.Башкирцева воспринимали жизнь женщины как нечто самоценное, как “волшебное сотворение собственного я”[2,30]. Стихийность обеих преподносила самые неожиданные сюрпризы. Как-то, поджидая опаздывающую на урок учительницу, Мария возмущенно восклицает:” Мне тринадцать лет; если я буду терять время, что же из меня выйдет”[1,27]. А через три года она запишет : “Я всем обязана самой себе”[1,90]. За это время , предчувствуя скорый конец, она сама составила не только план занятий, но и жизни. Ежедневное усердие и настойчивость дали прекрасные результаты: начав в 1873г. обучение в лицее, М.Башкирцева закончила за пять месяцев курс, рассчитанный на три года, научилась играть на гитаре, арфе, мандолине, рояле, читала в оригинале древнегреческих авторов, выучила латынь; решив в 1877г. заняться живописью, семилетий курс обучения прошла за два года (созданные ею картины – достояние мировых коллекций). И это все, чтобы “быть предметом восторгов, торжествовать”[1,288] и, главное, быть достойной этих похвал.

Под влиянием своих любимых героев - М.Башкирцевой и герцога Рейхштадского предпринимает решительные попытки изменить свою жизнь и юная Марина Цветаева, взрывая всяческие запреты и условности. Она отправляется в Париж, чтобы прослушать курс старофранцузской литературы, а затем на собственные деньги издает первый свой сборник, раз и навсегда решив, что

Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать! [5,57]

Но Башкирцева, отличавшаяся в жизни независимостью характера, и в литературе находилась в некоем обособленном пространстве. А 1909 году рядом с одинокой звездой М.Башкирцевой засияла еще одна знаменитость – Черубина де Габриак. Критика, иногда слишком резко и в общем неровно отзывавшаяся о даре М.Башкирцевой и М.Цветаевой, с восторгом встретила нескромный и страстный мир героини, которая не совершила ничего явного, реального, а только произнесла : “С моею царственной мечтой одна брожу во всей вселенной”[2,68]**. “**Явление Черубины было столь артистично и неожиданно, что ошеломило буквально всех…Звезда Черубины восходила высоко и прекрасно” [6,134]. Ей поверили сразу и как поэту, и как лицу, существующему за гранью повествования. Даже самые взыскательные ценители слова присудили ей право быть в жизни и литературе. В названной ранее работе И.Анненский уважительно и осторожно сказал о Черубине: “Я думал ведь, что Она все *смеет* и все *сметет*…А оказывается, что Она и все знает , что Она все придумала… Ни любви, ни ненависти, ни душевного жара, ни душевного холода, ни удивления, ни даже любопытства – один безмерный ужас, одна неделимая мука эстетического созерцания”. Е.Дмитриева выбрала для себя вымышленное имя. Это был не псевдоним, за которым шутки ради пряталась начинающая поэтесса, она сумела создать целый мир, на поиски которого оправлялись рыцари со времен Прекрасной Дамы. В письме к Максимилиану Волошину 1916г. она писала: “Черубина для меня никогда не была игрой… Черубина поистине была моим рождением”. Рождение нового поэта было явным, но в тени скрывалось то, что женщина , эти стихи создавшая, никогда и не приближалась к той жизни, о которой слагала стихи и мечтала. Анна Ахматова, вспоминая прославленных посетителей “Бродячей собаки”, писала:

Да, я любила их, те сборища ночные,-
на маленьком столе стаканы ледяные,
Над черным кофеем пахучий тонкий пар,
Камина красного тяжелый красный жар,
Веселость едкую литературной шутки! [3, 114]

Эта реальность, в которой жила Ахматова, была для Дмитриевой-Черубины мечтой, в осуществление которой верила и она сама, и читатели:

Утром меркнет говор бальный…
Я – одна…Поет сверчок…
На ноге моей хрустальный
башмачок . [4, 71]

Так же как и ее любимый герой Дон Кихот, Е.Дмитриева хотя бы воображая прикасалась к закрывшемуся для нее миру, но по-прежнему оставалась “чужой” в этих кругах. Идеалы поэтессы и действительность не совпадали. Поэзия, созданная душой, была отвергнута, главным образом, из-за внешности автора. Е. Дмитриева соглашается на мистификацию, предложенную М.Волошиным. Она обозначила свою поэзию автобиографизмом, но автобиографизмом условным, то есть рассказала то, что хотелось бы пережить. Так Черубина де Габриак стала “фиктивным автором”, рассказывая историю женщины, заявившей

Мечтою я близка гордыни,
Во мне есть соблазны греха,
Не ведаю чистой святыни! [2,73]

“Здесь достигает законченности “необычность “ игры. Переодеваясь или надевая маску, человек “играет” другое существо. Он и есть это “другое существо!”[5, 29]

Если М.Цветаева считала, что в стихах “все о себе”, и этим удалялась не только от игры, но и от всяких школ и литературных объединений, то Е.Дмитриева попала в замкнутый круг, превращая рассказ о себе в красивую сказку. Превознесенная в стихах история Черубины де Габриак обернулась личной драмой поэтессы. Литературный эксперимент удался – новое имя упоминали в серьезных рецензиях И.Анненский, В.Брюсов, Книжник. Но в момент “разоблачения” никто не заметил, что это было лишь желание осознать себя в литературе, освободившись от вымышленного “я”. Счастливого финала не получилось, и не потому что стихи оказались недостаточно художественными: разнообразие жанровых систем и стихотворных размеров не позволяют усомниться в их достоинствах. Раскрытие тайны сопровождалось двойным разочарованием – читателю вернули привычный мир и автора, лишенного всякой загадочности. Стихотворением “Конец” Е.Дмитриева окончила аполлоновскую мистификацию. Подводя черту под игрой, она не стала саморазоблачаться, а написала прощальное стихотворение, завершившее отношения Черубины де Габриак и С.Маковского:

Милый рыцарь Дамы Черной,
Вы несли цветы учтиво,
Власти призрака покорный,
Вы склонялись молчаливо. [2, 90]

Удивительным образом сложилась судьба трех писательниц. Драматическая летопись жизни М.Башкирцевой стала символом свободы и любви к жизни. М.Цветаева, распахнувшая руки и свой талант навстречу “живущим через сто лет”, научила узнавать невидимое – душу любви. И ставшая “говорящей” мечтой самая яркая “фигура” умолчания – Черубина де Габриак. Они мирно уживались в поэзии, любовались вселенной и собой , но в мире безоговорочно признанной оказалась лишь женщина-мечта. И в жизни М.Башкирцевой, и в судьбе М.Цветаевой было достаточно внешних, зримых надрывов, но для современников более важным оказались загадочность, недосказанность и связанная с ними эстетическая игра. В этой особой атмосфере, где царил дух «великой страсти» и «гордости рубины» читатель чувствовал себя уверенно. Явление Черубины де Габриак имело огромное значение для культуры начала века: казалось, что она могла изменить мир красотой, преодолевая любые сопротивления. Она была, пожалуй, единственной героиней, которая так органично вписывалась в портрет литературной элиты и эпоху, “окутанную фиолетово-сиреневыми туманами, насыщенную горечью тубероз, ароматом терпких духов и ладана” [7, 252]. Невидимый облик внес путаницу в литературную жизнь, но соединив “экзотику” и талант, она преодолела недоверие к мечте. Черубина де Габриак стала особой “личностью”, привнесшей в лирику своеобразный мир, озаренный богатством стиля и поэтическими нюансами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкирцева М.И. Дневник. – М.: Молодая гвардия,1991.-320с.
2. Черубина де Габриак. Исповедь. – М.: Аграф,1998.- 384с.
3. Ахматова А.А. Сочинения: В 2 т. – М.: Цитадель.- Т.1. – 448с.
4. Хейзинга Й. Homo ludens (Человек играющий). – М.: Эксмо-пресс, 2001.- 352с.
5. Цветаева М.М.Сочинения: В 2т. – М.:Худ.лит.,1988.
6. Глоцер Е. Елис.Васильева // Новый мир.-1988.№12.- С.132-162.
7. Носов А. Эпилог исторической драмы// Новый мир.-1991.-№4.- С.252-254.